

В.А. Мазиллов

Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок

Работа поддержана РФФИ, грант 09-0600412

В статье проанализированы тенденции развития методологии психологической науки на современном этапе ее развития. Предложена и охарактеризована структура современной методологии (познавательная методология, коммуникативная, методология психологической практики). Выделены наиболее актуальные для современной когнитивной методологии направления исследований и разработок (системный подход; проблемы психологического факта, психологической теории; проблема категориальной структуры психологии; методологические проблемы историко-психологического знания; проблемы предмета психологии и др.). В работе утверждается, что проблема предмета психологии выступает в качестве центральной при разработке методологии психологии на современном этапе развития этой науки.

Ключевые слова: методология психологии, когнитивная методология, коммуникативная методология, методология психологической практики, редукция, объяснение, предмет психологии.

V.A. Mazilov

Methodology of the Domestic Psychological Science: Basic Research and Development Directions

In the article the tendencies of development of the psychological science methodology at the present stage of its development are analysed. The structure of the modern methodology (informative methodology, communicative, methodology of psychological practice) are offered. The most actual directions for the modern cognitive methodology of researches and development (the system approach; problems of the psychological fact, the psychological theory; a problem of the categorial structure of Psychology; methodological problems of historical and psychological knowledge; problems of Psychology subject, etc.). In this work is confirmed that the problem of the Psychology subject is central at working out the methodology of Psychology at the present development stage of this science.

Key words: psychology methodology, cognitive methodology, communicative methodology, methodology of psychological practice, reduction, explanation, a psychology subject.

В 90-х годах ушедшего XX столетия в отечественной психологии отмечалось устойчивое снижение интереса к разработке методологии психологической науки. Предпринимались попытки ограничить роль методологии психологии, что было закономерной реакцией на «предписывающий» характер прежней методологии, существовавшей в нашей стране в предшествующие годы. Дело доходило до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология неправомерно отождествлялась с ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии были связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квази-экспериментального) исследования.

Зарубежная психология традиционно характеризовалась прагматизмом, в связи с чем широкое распространение получили попытки либо

свести методологию к дисциплине, описывающей планирование и проведение эксперимента, либо ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру, проблемой объяснения в психологии. Наконец, часто высказывалось мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе проведения конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна.

В последние годы наблюдается явное оживление интереса к методологическим вопросам психологической науки и практики. Выходят многочисленные научные публикации, посвященные анализу методологических проблем психологии, издаются учебные пособия по методологической проблематике. Нельзя не отметить вышедшие в последние годы работы, получившие широкую известность. К ним относятся работы А.В. Юревича (2005), интересные методологические исследования В.М. Аллаhverдова (2000, 2003), учебное пособие Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова (2006), методологические работы

Ф.Е. Василюка (2003), И.Н. Карицкого (2002) и др. В исследованиях А.Ю. Агафонова, А.Г. Асмолова, В.А. Барабанщикова, Ф.Е. Василюка, И.П. Волкова, И.Е. Гарбера, А.Н. Гусева, М.С. Гусельцевой, А.Л. Журавлева, В.П. Зинченко, Ю.П. Зинченко, В.В. Знакова, И.Н. Карицкого, А.В. Карпова, В.А. Кольцовой, Т.В. Корниловой, Д.А. Леонтьева, Л.Я. Дорфмана, С.В. Маланова, Б.Г. Мещерякова, И.А. Мироненко, П.Я. Мясоеда, В.И. Панова, В.Ф. Петренко, В.А. Петровского, Е.Е. Соколовой, С.Д. Смирнова, Е.Б. Старовойтенко, В.А. Татенко, Д.В. Ушакова, Н.И. Чуприковой, В.Д. Шадрикова, А.В. Юревича и других нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, связанные с изучением психического. Важные вопросы методологии психологии обсуждаются в работах И.В. Вачкова, А.О. Прохорова, Е.В. Левченко, А.А. Пископеля, В.А. Янчука, А.Г. Лидерса и др. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных методологии психологии, высказано много продуктивных идей (см., например, «Труды Ярославского методологического семинара», Т. 1, Т. 2, Т. 3. Ярославль, 2003–2005, где опубликованы работы, рассматривающие наиболее актуальные вопросы методологии психологической науки и практики).

В настоящее время методология психологии представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В последние годы на страницах ведущих психологических журналов развернулись дискуссии, посвященные обсуждению вопросов методологии психологии (см. «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Методология и история психологии» и др. К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться на анализе в высшей степени интересных методологических дискуссий, происходящих в современной отечественной психологии в последние годы). В этой статье (по той же причине) мы не сможем затронуть все направления методологических поисков в отечественной психологии, а обратимся к обсуждению лишь некоторых актуальных исследований. Обилие публикаций на методологические темы не может не радовать, т.к. увеличение интереса к методологии обычно бывает связано (как свидетельствует история психологии) с появлением новых теоретических подходов и существенным продвижением в разработке предметного поля психологии. Вместе с тем нельзя не отметить, что интенсивные методологиче-

ские поиски пока не привели к созданию *концепции* методологии, которая разделялась бы большинством психологов.

Более того, существует достаточное число принципиально отличающихся методологических установок. А.В. Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно выделить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д. Смирнова [Смирнов, 2004, с. 280-281], могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм», или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет “методологическим плюрализмом”, отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно “методологическому либерализму”), но (в отличие от него) не следует стремиться к “наведению мостов” между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее “полипарадигмальность” в качестве неизбежной» [Юревич, 2005, с. 380].

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, т.к., по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Представляется важным подчеркнуть, что методология имеет конкретно-исторический характер. М.С. Роговин и Г.В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [Роговин, Залевский, 1988, с. 8]. Подчерк-

нем, что методологическое знание находится в процессе постоянного развития.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т.д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989, с. 359]. Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. В целом это определение не вызывает возражений, необходимы лишь некоторые уточнения. На этом вопросе мы остановимся ниже.

Из этого определения, в частности, следует, что:

1. возможна методология (система принципов и методов построения) практической психологии;
2. возможна методология (система принципов и методов построения) научной психологии;
3. возможна методология как концепция, учение о методологии.

Отметим, что в данном определении акцентируется познавательная функция методологии. Ниже мы остановимся на том, что возможно построение коммуникативной методологии, выполняющей важную функцию соотнесения различных подходов и концепций.

Не имея возможности здесь предпринять сколь-нибудь полный обзор методологических исследований, проведенных в отечественной психологии в последние годы, остановимся на принципиальном для современной методологии психологической науки вопросе: какой должна быть методология современной российской психологии. Необходимо реставрировать (или восстановить в правах) традиционную советскую методологию психологии (естественно, освободив ее от очевидно устаревших или идеологизированных положений), или же речь идет о разработке принципиально новой методологии психологической науки.

Прежде чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. В советской психологии работали замечательные ученые, которые несмотря на идеологический прессинг разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина и др.) никоим образом не утратили своего значения. (Подробнее см. об этом (Мазиллов, 1998, 2003)). Именно методологические разработки позволили отечественной психологии достичь признанных успехов. В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

Было распространено определенное представление о методологии. Чаще всего выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровни. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала преимущественно результаты таких разработок. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно. Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин.

На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить всю психо-

логию на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественно-научной психологии (Гараи, Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественно-научной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии, подобная конфронтация привести не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая бы предполагала возможность взаимного соотношения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес (для психологов), естественно, вызвала собственно психологическая методология (соответствующая конкретно-научному уровню). Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т.д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какой должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы было высказано несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как *радикальную*. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И.П. Волкова. По И.П. Волкову, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессио-

нальной деятельности» [Волков, 2003, с. 81]. Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она пока находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоятельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию, ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» [Там же].

Вторую позицию можно определить как *консервативную*. Она состоит в том, что методологические функции вполне успешно выполняла традиционная методология. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении автора. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника (Тютюнник, 2002). «Методология – область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» [Тютюнник, 2002, с. 8]. В методологии выделяются четыре уровня (уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частнонаучных методов; уровень конкретной методики и процедуры исследования [Там же, с. 9]. Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, т.к. в советской психологии,

которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть охарактеризована как *умеренная*. Состоит она в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии необходимо учитывать и использовать накопленные наработки. Здесь (впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие – к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии – В.П. Зинченко. Обращаясь к анализу методологии отечественной психологии, В.П. Зинченко отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся *над* всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» [Зинченко, 2003, с. 98]. Автор замечает, что в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлектированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, – пишет В.П. Зинченко, – что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» [Зинченко, 2003, с. 98-99]. Автор предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). В.П. Зинченко приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность, так называемых, методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая “самозванцами мысли” идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя что такое нужное направление никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную

функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» [Там же, с. 114]. Ученый заключает: «Жизнь сложна. И мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая, к несчастью, претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпирию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии, и для ее выявления нужно проведение специальной работы» [Там же, с. 115]. Нельзя не согласиться с суждением классика отечественной психологии: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» [Там же, с. 100].

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А.В. Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем, вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно, должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии.

Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (поскольку за ними не стоят конкретные специальные исследования), согласно которым естественно-научные стандарты распространяются на область *всей психологии*. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представ-

ляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В.П. Зинченко. Можно согласиться с ним, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно *методологию* психологии и *теорию* психологии, и, несомненно, методология не должна подменять собой теорию. Бесспорно, те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать *собственная методология психологической науки* в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Наверное, это должна быть *научная* методология. Психология не должна утратить статус науки. Как бы то ни было, психология, несомненно, является наукой. Ее нельзя «безнаказанно» свести к естественно-научной либо гуманистической парадигме. В качестве неизбежного наказания, как уже упоминалось, следуют «неоправданные ограничения», неадекватность которых очевидна, а цена не просто высока, но чрезмерна.

Наверное, это должна быть методология *на исторической основе*. Этот тезис в свое время формулировался Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, М.Г. Ярошевским и др.

Наверное, это должна быть методология, *свободная от идеологии*. В нашем отечестве об этом полезно помнить.

Наверное, это должна быть методология *плюралистическая*, исходящая из того, что путей к истине может быть много. Некоторые могут быть более адекватны, чем другие. Но это не основание принимать какой-то из них за универсальный.

Наверное, это должна быть методология, ориентированная не только на познание психического, но и на *практику*.

И последнее, может быть, самое главное. Это должна быть *содержательно психологическая* методология, не пытающаяся свести «многомерное» человеческое существо к адаптации, деятельности, общению, но осознающая его и как душевное, и как духовное. Следовательно, психология должна стать на путь собственного развития: естественные и гуманитарные науки не могут

быть образцом для построения психологии. На заре своего самостоятельного существования научная психология последовательно попыталась реализовать обе «линии». Ни «чистые линии», ни многочисленные попытки их соединения существенного успеха не принесли. Может быть, дело в том, что «наиболее возвышенное и совершенное» (Аристотель) нуждается в особом исследовательском подходе, специальной содержательной методологии.

По нашему мнению, это должна быть не методология «сверху», идущая от философии или идеологии, а методология «снизу», вырастающая из логики развития самой психологии. Забегая вперед, отметим, что такое основание для построения концепции методологии мы обнаружили в соотношении теории и метода в психологии – структурном инварианте, характеризующем любой исследовательский подход, поскольку он отражает логику психологического исследования.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотношение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая – традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т.д. Здесь что ни слово – проблема. Обозначим для примера лишь некоторые.

Предмет науки. В психологии есть достаточные основания предполагать, что предмет имеет непростое строение: можно выделить декларируемый, реальный и рационализированный. Предмет науки и предмет исследования не совпадают, могут быть выделены различные их взаимоотношения. Даже методы психологии, как ни странно, тоже представляют собой «проблему». Если эмпирические методы достаточно хорошо изучены, разработаны интересные классификации, то о теоретических методах этого сказать явно нельзя. Не исследовано должным образом соотношение теории и метода в психологии. В «познавательной» составляющей может быть выделен особый блок, имеющий в настоящее время для нашей психологии чрезвычайную важность. Это своего рода «метаметодология». Учитывая то, что в психологии существует множественность понимания предмета психологической науки и множественность объяснения, необходимо осуществление сравнительно-методологического анализа. Без такого анализа практически невозможно соотношение теорий, концепций, подходов, ориентаций.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Она призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии – в соотношении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотношения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая – область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология – это особая область. Деятельность психолога-практика, методология – важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий – не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Здесь тоже огромное количество нерешенных проблем. Подчеркнем – именно методологических проблем. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии, она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию,

она более «антропологична», если воспользоваться терминологией П. Фресса.

Последующие исследования и развитие отечественной психологической науки в последние годы показали, что избранный путь является верным. Остановимся (очень кратко) на некоторых принципиальных вопросах, касающихся указанных блоков методологии.

Когнитивная методология. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности (Спиркин, Юдин, Ярошевский, 1989).

Разработка отдельных вопросов методологии (даже таких важнейших для психологии, как проблема предмета, метода, объяснения и т.д.), взятых отдельно, не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку концепции интегративной когнитивной методологии, под которой понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, психологического факта, теории в их взаимосвязи. Таким образом, на повестке дня стоит разработка общей методологии (интегративной когнитивной методологии). Главная сложность в разработке настоящей проблемы заключается в том, что исследования разными авторами проводятся с различных методологических позиций. Это естественно, т.к. разработка фундаментальных проблем психологии (например, проблемы предмета, метода психологии, объяснения и т.д.) сопряжена с большими трудностями, поэтому множественность исследовательских подходов в психологии традиционна. На этом основании многими авторами утверждается, что разработка общей методологии в современных условиях невозможна. Выдвигаются принципы методологического плюрализма (С.Д. Смирнов) и методологического либерализма (А.В. Юревич), что означает сосуществование различных методологий.

Мы полагаем, что:

1. разработка общей методологии возможна, т.к. существует универсальная модель, позволяющая свести в «общем исследователь-

ском пространстве» важнейшие методологические категории;

2. использование интегративной когнитивной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов.

Итак, под интегративной когнитивной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, факта, теории в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Очевидно, что целостная когнитивная методология психологии должна, как минимум, удовлетворять следующим требованиям: 1) быть достаточно широкой, т.е., как минимум, включать в себя основные названные компоненты методологии (предмет, метод, теория, объяснение и др.); 2) иметь достаточно универсальный характер в том смысле, что должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций. Как нам представляется, в качестве такого основания может быть предложена модель соотношения теории и метода в психологии. Данная модель включает в себя следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория (в структуру которой входят базовая категория, идея метода, моделирующие представления, организующая схема), метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема является замкнутой, т.е. теория является основанием для постановки новой проблемы.

Коммуникативная методология. Традиционно методология фактически рассматривается только в своей познавательной, когнитивной функции (см. определение методологии, рассмотренное выше). Это, несомненно, важнейшая функция методологии. Но, как можно полагать, далеко не единственная. В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению

взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, разработанных в разных научных традициях.

Важно подчеркнуть, что одного желания, «доброй воли» психологов для установления необходимой коммуникации между концептуальными системами мало. Для этого нужны реальные возможности, которые может обеспечить использование инструмента – понятийного аппарата коммуникативной методологии. Видимо, Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Поэтому, возможно, стоит переменить ориентацию – вместо тщетных попыток создания «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотнесению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Для того чтобы это осознать, необходимо изменение установки.

В психологии, действительно, накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотношении различных подходов и теорий. Особенно важно подчеркнуть, что дело отнюдь не в «нежелании» психологов вступать в научную коммуникацию, а в отсутствии реального методологического аппарата, позволяющего произвести такого рода соотнесение. Сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально сопоставлять различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психологии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, т.е. предполагающей улучшение реального взаимопонимания (как «внутри» академической психологии, так и в достаточно непростых «отношении-

ях» последней с психологией практико-ориентированной, нетрадиционными психологиями и т.д.).

Обобщающую концепцию (на что психологическая наука была явно ориентирована) создать не удалось, хотя некоторые направления в психологии минувшего века на это (явно или неявно) претендовали. Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплено огромное количество фактических данных и концепций разного уровня. Вместе с тем, как уже отмечалось, не складывается общая картина психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться совокупностью концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий осуществлять соотнесение различных психологических теорий и в перспективе производить интеграцию психологического знания. Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания. Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазиллов, 1998). Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX столетии, является собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета исследования). Разработка коммуникативной методологии сделала возможной интеграцию психологического знания. Об интеграции в социальной психологии пишет А.Л. Журавлев (Журавлев, 2002). Среди работ в этом направлении необходимо отметить исследования В.А. Янчука, в которых реализуются идеи интегративно-эклектического подхода (Янчук, 2005). Интегративно-эклектический подход обосновывает не-

обходимость и продуктивность сотрудничества и партнерства различных психологических традиций. Он направлен на взаимообогащение и взаиморазвитие. Важно подчеркнуть, что данный подход представляет собой не «декларацию о намерениях», а он уже успешно реализуется на практике (Янчук, 2005).

Методология психологической практики. В разработку данной проблематики большой вклад внесли работы Ф.Е. Василюка (Василюк, 2003) и И.Н. Карицкого (Карицкий, 2002, 2007), опубликованные в последние годы. В работе И.Н. Карицкого выделяются основания психологических практик: «В целом основания психологической практики подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные составляют условно вертикальную структуру практики. Социальные и личностные – представляют другой срез психопрактики (или ее другое измерение), т.е. в них в той или иной степени представлены прочие основания психологической практики» [Карицкий, 2007, с. 230]. Автором разработана модель психологической практики, что позволяет наметить классификации психологических практик. По нашему мнению, разработанная И.Н. Карицким концепция психологической практики является значительным прорывом, существенно расширяющим исследовательские горизонты.

Наиболее актуальными в сегодняшней методологии психологической науки представляются следующие направления исследований и разработок.

1. Системный подход. В последнее время предприняты интересные исследования возможностей и перспектив в современных условиях системного подхода (Барабанщиков, 2007; Карпов, 2004; Поваренков, 2004, Орел, 2005 и др.). В.А. Барабанщиков отмечает: «В настоящее время собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромный, а его развитие представляет непростую исследовательскую задачу. Главная трудность состоит в том, чтобы изучать то или иное явление, не теряя, а учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер их развертывания во времени, разноуровневость организации. Это условие предполагает разра-

ботку концептуальных схем, позволяющих интегрировать эмпирические данные, методы исследования и понятия, принадлежащие к разным научным парадигмам. Их появление открывает возможность новых путей движения в теоретическом пространстве предмета» [Барабанщиков, 2007, с. 97]. Одним из наиболее перспективных остается системогенетический подход, разработанный В.Д. Шадриковым (Шадриков, 1982). А.В. Карпов, анализируя возможности системного подхода в современных условиях, приходит к следующим выводам: «Для того чтобы стать адекватным, конструктивным и эвристичным методологическим средством психологических исследований, системный подход должен быть существенно, а не исключено, – радикально усовершенствован; он сам должен перейти на новый уровень своего развития. Для этого существуют необходимые условия, подготовленные современными исследованиями в русле именно тех проблем, которые традиционно считаются наиболее специфичными именно данному принципу и носят ярко выраженный обобщающий и фундаментальный характер. Эти исследования вскрывают гораздо более сложную, многомерную, а часто и “парадоксальную”, непонятную с точки зрения “классических” представлений картину организации психического – картину, требующую аналогичных, то есть также “неклассических” подходов – в том числе, и прежде всего, – новых вариантов самого принципа системного подхода» [Карпов, 2004, с. 9]. Ученый продолжает: «В свою очередь, для того, чтобы эти – модифицированные и даже трансформированные – подходы стали возможными, для того, чтобы на уровне методологии адекватно отобразить и реализовать специфику и содержание предмета (психики), необходима адекватная экспликация самого этого предмета. Поэтому не только не исключено, но, наоборот, очень вероятно, что разработка новых – более «мощных» – вариантов принципа системного подхода будет сопряжена с необходимостью уточнения представлений и о самом предмете исследования. Во всем этом, собственно говоря, и проявляется реальное взаимодействие и взаимодейстерионация – диалектика предмета и метода» [Там же].

Обратим внимание на вывод автора, согласно которому перспективы развития системного подхода связываются с пересмотром представлений о предмете. По нашему мнению, одной из важнейших задач в данном направлении является специальный непредвзятый анализ истории системного подхода и системного движения. Исто-

рия системного подхода в психологии, как это ни удивительно, еще не написана. На наш взгляд, рассмотрение этого вопроса будет способствовать разработке новых вариантов этого метода.

2. Проблемы психологического факта, психологической теории, психологического закона. В последнее время появились интересные публикации, посвященные этой проблематике. Назовем известную работу А.В. Юревича, в которой анализируется, в частности, структура психологических теорий (Юревич, 2005). Вместе с тем нельзя не отметить, что эти вопросы, важные для разработки общей методологии психологии, остаются недостаточно исследованными.

3. Проблема категориальной структуры современной психологии. Это также одна из важнейших методологических проблем психологии, которая берет начало еще в трудах Аристотеля. В современной отечественной психологии эта проблема была поставлена М.С. Роговиным, а затем обсуждалась в работах К.К. Платонова, М.Г. Ярошевского, Б.Ф. Ломова и др. В самое недавнее время система категорий психологии была представлена в работах А.В. Петровского, В.А. Петровского и М.Г. Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 1998; Петровский, Ярошевский, 2003). Эта же проблема была предметом обсуждения на V Ярославском методологическом семинаре, что позволило существенно продвинуться в разработке данного направления.

Мы полагаем, что, если в систему понятий не включается содержательно определенный предмет психологии, это неизбежно ведет к редукционизму в объяснении: научная психология утрачивает свою специфику. Если предмет психологии не выступает в качестве центрального психологического понятия, конституирующего эту науку, то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Напомним, что Шпрангер в начале прошлого века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. Утверждается, что предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность «разрабатывать психологию», не сводя ее к «вещам» более элементарным (в особенности, к собственно вещам).

4. Методологические проблемы истории психологии. В последние годы наблюдается значительный прогресс в этой области, опубликованы фундаментальные исследования, посвященные методологии истории психологии (см., например: Кольцова, 2004, 2008). Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта область методологи-

ческих исследований приобретает особую актуальность.

Как отмечает В.Е. Ключко, наука входит в такую фазу своего развития, когда становится возможным осмыслить саму науку как саморазвивающееся целое и поставить вопросы о закономерностях собственного становления (Ключко, 2007). «Наука – это открытая система, закономерно усложняющаяся в процессе внутренних и внешних взаимодействий. Формой ее существования является становление – закономерное усложнение ее системной организации. История психологии рано или поздно научится выделять места, в которых “здесь и сейчас” идет достаточно мучительный процесс “перерождения научной ткани”, где напряжен нерв науки, где объективная тенденция науки реализует себя. Иными словами, анализировать не то, что стало, что лежит в пределах весьма условной границы психологического знания, а то, что происходит на границе, где рождается, становится новое знание. Прогнозируя, можно сказать, что самое серьезное и трудное будет заключаться в перестройке подходов и методов историко-психологического познания, не рассчитанных на учет “эффекта границы”, т.е. предназначенных для анализа ставшего (прошлого) как предмета истории психологии» [Ключко, 2007, с. 18].

Другой момент, связанный с методологическими проблемами истории психологии, заключается в том, что, как хорошо известно, история психологии достаточно противоречива, оценки тех или иных событий порою существенно различаются: одна и та же работа одному историку психологии представляется эпохальной, для другого являет собой малозначимое событие. Представим себе историю психологии, написанную с позиций академической науки, и историю психологии – с позиций трансперсональной психологии... В значительной степени именно поэтому история психологии представляет «веселую науку», в которой многое оказывается противоречивым, порою взаимоисключающим, а оценки иногда или непредсказуемы, или попросту неправедны (Мазиллов, 2007).

По нашему мнению, в каждый момент времени психология может быть представлена как сосуществование в корпусе психологической науки различных психологий. В первую очередь, речь идет о философской и научной психологии. У них различающийся предмет, разные методы (это тема отдельной работы), иные задачи. Кстати, так называемая практическая психология представляет собой еще одну, чрезвычайно лю-

бопытную составляющую общего “организма” современной психологии. По нашему убеждению, история психологии по возможности должна учитывать наличие этих различных потоков, в совокупности составляющих *всю психологию*.

5. Методологический анализ междисциплинарных связей психологии.

Б.Г. Ананьев в работе «Человек как предмет познания», как хорошо известно, рассмотрел связи психологии с другими научными дисциплинами. Анализ этих связей в рамках разработанной Ананьевым концепции комплексного человекознания позволил сделать вывод, что психология синтезирует достижения других наук (Ананьев, 1969). Известный отечественный психолог Б.Ф. Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или, во всяком случае, большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции – это, конечно, задача философии» [Ломов, 1984, с. 19]. Ломов отмечает, что взаимодействие психологии с другими науками осуществляется через отрасли психологической науки: с общественными науками – через социальную психологию, с естественными – через психофизику, психофизиологию, сравнительную психологию, с медицинскими науками – через медицинскую психологию, патопсихологию, нейропсихологию и другие, с педагогическими – через психологию развития, педагогическую психологию и другие, с техническими – через инженерную психологию и т.д. Важным фактором дифференциации психологии являются именно отношения с другими науками (Ломов, 1984).

Важным событием явилась публикация статьи А.Л. Журавлева «Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии» (Журавлев, 2007). Работа посвящена чрезвычайно актуальной методологической проблеме, т.к. в психологии традиционно важное место принадлежит междисциплинарным исследованиям. Ученый отмечает: «В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не

только психологии или социогуманитарных наук, но и всей науки в целом» [Журавлев, 2007, с. 15]. Междисциплинарные исследования имеют для психологии особое значение, т.к. «... сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения» [Там же, с. 17]. Чрезвычайно актуально выделение уровней, на которых может быть реализовано междисциплинарное исследование: «В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый – внутрипсихологический – подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей» [Там же]. В первом уровне могут быть выделены подуровни: «Внутрипсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это межотраслевой уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии» [Там же, с. 18].

Второй уровень – внешнепсихологический уровень междисциплинарности – подразумевает исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. [Там же, с. 20].

«Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью “внедрились” в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (психология!) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли – это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия, и перспектива состоит в том, что

выделенная тенденция будет развиваться и нарастать» [Там же, с. 21].

Данный аспект важен, поскольку позволяет не только лучше понять современное состояние психологической науки, но и выстроить перспективные прогнозы дальнейшего развития науки, важность чего переоценить невозможно.

Но исследователь делает глубокие выводы, касающиеся особой роли междисциплинарных исследований в области психологии. Междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического. «Многочисленные попытки понять природу психического привели к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной. Это же основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф. Ломову, систему ее измерений» [Там же, с. 27].

«Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить, что в перспективе названные и некоторые другие (например, психохимическая) станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического» [Там же, с. 28-29].

В работе А.Л. Журавлева рассматриваются также, что очень важно, трудности и ограничения, с которыми сталкиваются междисциплинарные исследования. Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на такого рода исследования. Автор анализирует трудности и ограничения междисциплинарных исследований в области психологии. Он утверждает, что:

1. Неправомерно понимание, что междисциплинарные исследования – единственная форма исследований в психологии.

2. Неизбежны издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований (например, редукция психического к непсихическому).

3. Существуют сложности и трудности междисциплинарных исследований. «Междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие – вспомогательными и т.п. – все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое» [Журавлев, 2007, с. 32].

Таким образом, в этой статье дается глубокий методологический анализ возможностей и перспектив использования междисциплинарных исследований в современной отечественной психологии. В целом соглашаясь с выводами, полученными в исследовании А.Л. Журавлева, остановимся подробнее на одном важном методологическом моменте. А.Л. Журавлев предупреждает, что в качестве негативного следствия для психологии возможна редукция психического к непсихическому. Этот момент заслуживает отдельного обсуждения, к его анализу мы вернемся в настоящей статье в разделе, посвященном проблеме объяснения.

6. Методология неклассической психологии.

В своей глубокой и интересной статье Д.А. Леонтьев утверждает, что «развитие психологической науки на протяжении XX века предстает в первую очередь как расширение рамок того, что входит в понятие научной методологии и научного подхода к человеку. Если в начале этого периода молодая психологическая наука осознавала себя, прежде всего, через призму классического представления о науке, сформировавшегося по мере развития естественных наук, то в дальнейшем в психологии, при сохранении и укреплении классической составляющей, параллельно набирал силу неклассический вектор развития, связанный с разнообразными попытками строить психологию иначе, а именно как гуманитарную дисциплину, основанную на

расширенном неклассическом представлении о науке и научном познании» [Леонтьев, 2007, с. 74].

Анализируя развитие психологической науки, Д.А. Леонтьев приходит к выводу, согласно которому «за последние полвека направление развития психологической науки в целом можно обозначить как движение от классической к неклассической психологии» [Там же]. Если классическая психология строилась как естественная наука, то более поздняя неклассическая заявила о себе как гуманитарная дисциплина.

Отметим, что автор избегает крайних и резких оценок и предупреждает: «Очевидно, что классический и неклассический способы построения психологического знания не во всех отношениях жестко альтернативны друг другу, а в чем-то друг друга дополняют» [Там же, с. 80]. Д.А. Леонтьев утверждает, что «этот общий вектор складывается из ряда более частных векторов, обозначающих направления, в которых классическая модель психологической науки претерпевала изменения в разных конкретных психологических подходах» [Там же, с. 81].

Д.А. Леонтьев выделяет несколько направлений неклассической трансформации психологии:

- от поиска знаний к социальному конструированию;
- от монологизма к диалогизму;
- от изолированного индивида к жизненному миру;
- от детерминизма к самодетерминации;
- от потенциализма к экзистенциализму;
- от количественного подхода к качественному;
- от констатирующей стратегии к действенной.

Ученый подчеркивает, что этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX веке, поэтому его нельзя считать исчерпывающим.

«Таким образом, различные описанные выше исторические тенденции психологической науки в XX веке можно рассматривать как разные стороны или грани единого вектора, который был обозначен здесь как гуманитарный, или неклассический (в широком смысле слова) вектор. Общий знаменатель всех описанных тенденций состоит в том, что они знаменуют переход от классического типа научного исследования, характерного для естественных наук, к все более полному и многостороннему учету специфики человека как уникального объекта познания и разработке специфической методологии познания этого объекта» [Там же, с. 92].

Подчеркнем, что, на наш взгляд, тенденции, отмеченные Д.А. Леонтьевым, требуют в первую очередь пересмотра трактовки предмета самой психологической науки (см. ниже).

7. Методология экологической психологии.

В последние десятилетия интенсивно развивается новое направление в психологии – экологическая психология. Разработка методологических оснований экологической психологии, осуществленная в исследованиях В.И. Панова (Панов, 2005, 2004, 2006), позволяет заключить, что их значение велико и для методологии психологии в целом.

В.И. Панов справедливо отмечает, что в отечественной и зарубежной науке существует ряд направлений экологической психологии, которые разрабатываются как отдельные дисциплины, явно отличающиеся друг от друга **предметом исследования** (Панов, 2005). Согласно В.И. Панову, «При этом, и опять же, несмотря на указанные различия и разноликость основных направлений экологической психологии, их объединяет **общая методологическая установка**. А именно, исходной предпосылкой, отличающей экопсихологию от других психологических дисциплин, является представление о том, что психологические проблемы изучения сознания и индивидуальности человека, его психического развития и обучения, переживаний и поведения, психологического, психического и физического здоровья и т.п., должны рассматриваться в контексте отношения “индивид – среда” или, более широко, в контексте системы “человек – окружающая среда (природная, социальная)”» [Панов, 2005, с. 419].

В.И. Панов подчеркивает, что объектом экологической психологии, как объектом любой другой области психологической науки, является все-таки **психическая реальность**, особенности определения которой в качестве предмета исследования обусловлены взаимодействием человека с окружающей средой. В отличие от других областей психологической науки и практики, психика в качестве объекта изучения в эколого-психологических исследованиях может быть представлена в разных видах существования.

В.И. Панов выделяет три формы существования психики:

1. **собственная форма** действительного существования, т.е. проявленная форма психических процессов, состояний, сознания и поведения человека, находящегося во взаимодействии с окружающей средой;
2. **превращенная (опредмеченная) форма** действительного существования психологических и квазипсихологических свойств (качеств) самой окружающей среды, придаваемых ей человеком;
3. **становящаяся форма** (переход из «бытия в возможности», по Аристотелю, в «бытие в действительности»), порождение которой согласно ее природе, т.е. обретение ею действительной формы существования в виде процессов, состояний, сознания и, может быть, даже ноосферы (?!), происходит «в зазоре» между компонентами системы «человек – окружающая среда» посредством актуального взаимодействия между ними.

Ученый отмечает: «Следовательно, возникает задача обоснования такого подхода, согласно которому психические процессы, психические состояния и сознание индивида рассматриваются как проявления и разные этапы становления психической реальности во взаимодействии индивида с окружающей средой (как продукт развития системы «Человек – Природа») и, соответственно, как единый объект экопсихологического исследования. В связи с этим встает необходимость разработки таких методологических оснований, которые позволяли бы строить изучение психических процессов, психических состояний и сознания как разных форм проявления и уровней психики человека, **единых по своей природе**, но обретающих разную форму проявления **во взаимодействии индивида с окружающей средой**» [Панов, 2005, с. 421].

«Таким образом, анализ объекта и предмета исследования экопсихологии развития показывает возможность **особой методологической позиции** в определении психики как объекта и предмета исследования (психика как форма бытия, порождаемая в виде системного качества в процессе деятельного взаимодействия человека с окружающим миром). Это позволяет говорить об экопсихологии развития не только как об одном из направлений экопсихологии, но и как о некоторой исследовательской парадигме, предопределяющей соответствующие теорию психического, эксперимент и практику» [Панов, 2005, с. 430-431].

В другой работе В.И. Панов отмечает: «психика как природное явление (как форма бытия) никогда не предстает перед нами в непосредственном виде – она всегда предстает перед нами “облаченной” в феноменальную данность своих различных проявлений: внимания, памяти, восприятия, характера, мышления, личности и т.д.

Образно выражаясь, мы всегда исследуем феноменальные покровы психики, представляющие собой продуктивную (результативную) сторону психики в ставшей форме, но не самую психику в ее непосредственной данности. О ее непосредственной данности мы можем сказать только, что психика представляет собой такое природное явление, которое обладает *возможностью* принимать самые различные формы проявления (осуществления в актуальной форме “бытия в действительности”) в зависимости от взаимодействия человека с окружающей средой. Поэтому как одна из форм природного бытия психика существует и должна рассматриваться (следуя аристотелевской логике) в форме “бытия в возможности” и в форме “бытия в действительности”. В форме “бытия в действительности” психика и предстает в исследовательской процедуре в виде феноменологической данности психических феноменов и психологических особенностей человека, которые составляют традиционный предмет исследования в классической и современной психологии» [Панов, 2004, с. 182].

На наш взгляд, проделанная В.И. Пановым методологическая работа имеет значение не только для экологической психологии, но и для *всей психологии*. Еще мудрый Уильям Джемс заметил, что «современная наука рассматривает наши внутренние способности как бы заранее приносившими к свойствам того мира, в котором мы живем; я хочу сказать, так приносившими, чтобы обеспечить нам безопасность и счастье в окружающей обстановке» [Джемс, 1991, с. 23].

8. Проблема объяснения. Нам уже приходилось отмечать, что психологи явно недостаточное внимание уделяют проблеме объяснения. В самое недавнее время ситуация резко изменилась: в 2006 году была опубликована чрезвычайно интересная статья А.В. Юревича, посвященная объяснению в психологии (Юревич, 2006), и состоялся ярославский методологический семинар, на котором обсуждалась эта проблема (Труды..., 2006). Нельзя не согласиться со следующей оценкой значения данной проблемы для психологии: «Для психологической науки она (проблема объяснения – В.М.) обладает особой значимостью, поскольку не решенный до сих пор вопрос о том, *каким должно быть психологическое объяснение*, эквивалентен ее ключевому методологическому выбору, а в специфике психологического объяснения относительно объяснения, характерного для других наук, традиционно видится одна из главных особенностей психологии»

[Юревич, 2006, с. 87]. В этой работе А.В. Юревич приходит к выводу, согласно которому «возможно, психология станет похожей на естественные науки только тогда, когда основная часть психологических объяснений будет дополняться редуционистскими объяснениями, предполагающими выход при объяснении психического за пределами самого психического.

Как указывает Ж. Пиаже, «психологическое объяснение обязательно предполагает сведение высшего к низшему, сведение, органический характер которого обеспечивает незаменимую модель (которая может привести даже к физикализму)». Нетрудно предположить, какое негодование эта мысль может вызвать у адептов так называемой гуманитарной парадигмы, но она не может не возникнуть у сторонников интеграции психологии, предполагающей “наведение мостов” между гуманитарной и естественно-научной парадигмами» [Там же, с. 103-104].

Представляется, что с таким выводом согласиться нельзя. Представить редуционизм в качестве генеральной стратегии развития психологической науки, по нашему мнению, весьма проблематично. Начнем с констатации того, что главное различие между естественно-научной и гуманистической парадигмами заключается в том, что в них по-разному трактуется *предмет психологии*. Поэтому для того, чтобы навести мосты, необходимо не редуцировать психику к чему-то непсихическому, а, напротив, разработать максимально широкое понимание предмета психологии.

Перспектива редуционистского обращения с предметом хорошо описана П.Я. Гальпериним: «Что касается самих психологов, то, представляя свой предмет недостаточно отчетливо, они сплошь и рядом в поисках будто бы собственно психологических закономерностей уходят в сторону от цели и занимаются физиологией мозга, социологией, любой наукой, которая имеет некоторое отношение к психике. По мере выяснения этих вопросов происходит соскальзывание со своего предмета на другой предмет, тем более что этот другой предмет обычно гораздо более ясно и отчетливо выступает и тоже имеет какое-то отношение к психологии, хотя это и не психология. А такое соскальзывание в другие области не всегда продуктивно. Каждая область выделяется потому, что в ней есть свои закономерности, своя логика. И если вы, соскальзывая в другую область, хотите сохранить логику психологического исследования, вы не сумеете ничего сделать ни в той области, куда соскользнули, ни тем

более в психологии, от которой уходите. И такое соскальзывание происходит, к сожалению, очень и очень часто и ведет к непродуктивности и ложной ориентации в исследованиях: то, что подлежит изучению, остается неизученным и неосвоенным» [Гальперин, 2002, с. 39].

Вопрос об объяснении неразрывно связан с другим судьбоносным вопросом психологии: как должен пониматься, трактоваться предмет психологии (Мазиллов, 2006). Не случайно классическая работа Жана Пиаже имеет очень точное название: «Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм» (Пиаже, 1966). По нашему мнению, то или иное решение проблемы объяснения обязательно предполагает «ключевой методологический выбор»: исследователь волен выбирать, быть психологии дисциплиной редукционистской, сводящей психическое к непсихическому, либо отстаивающей возможность разрабатывать эту науку, используя собственные объяснения.

С позицией, сформулированной А.В. Юревичем (обоснование перспективности выхода на уровни биологических и социальных процессов и конструктов в объяснении психологического), дискутирует Т.В. Корнилова (Корнилова, 2006). Такие перемещения объяснительных координат, по А.В. Юревичу, задают новые ориентиры психологических объяснений. Т.В. Корнилова утверждает, что с этим следует спорить: «Во-первых, потому, что наличие редукционистских объяснений того или иного толка не решает проблемы нередукционистских объяснений, которые накапливаются в психологии. Во-вторых, примеры и теории верхнего уровня в методологии не могут опровергать друг друга (иное дело в эксперименте, с его принципом фальсификации). В-третьих, главное возражение идет из разделяемой мною позиции, что методология частных наук может развиваться в рамках понятий именно этой конкретной науки, а не быть привнесенной откуда-то извне (...) Это скорее та “метадиigma”, которая является одной из возможных в психологии. С такой позиции апелляция к объяснительным редукционистским теориям – регресс психологического знания. Сведение психологического объяснения к редукционистскому на основе апелляции к *другому уровню систем* (по отношению к которым можно определить психологические системы) возможно только на основе неразличения системного подхода в вариантах его развития как принципа *конкретно-научной* методологии и его понимания в общей теории систем. Если принцип системности многократно (и вполне мульти-

парадигмально) представлен в психологических работах и прекрасно применим в другом частнонаучном знании, это не может служить основанием для рассмотрения его как принципа, позволяющего смешивать выделяемые разными науками предметы изучения в единую систему (во всяком случае, такая позиция требует специального объяснения), и для утверждения полезности редукционизма» [Корнилова, 2006, с. 96]. Т.В. Корнилова, обсуждая проблему редукции при объяснении, приходит к следующему выводу: «разорвать “порочный круг” за счет многоуровневости, связываемой с выходом *за рамки системы психологического знания*, методологически проблематично» [Там же, с. 97].

На наш взгляд, популярность редукционизма в психологии непосредственно связана с ограниченным пониманием предмета психологии. Не подлежит сомнению, что привлечение внимания к проблеме объяснения, введение в оборот новых классификаций и типологий объяснения (см. Труды..., 2006), будет способствовать прогрессу методологии психологической науки.

9. Проблема предмета психологии. Выше уже говорилось о том, что методологические вопросы должны исследоваться в комплексе. Это положение представляет собой ядро интегративной когнитивной методологии. Вместе с тем, нельзя не увидеть, что центральной методологической проблемой остается проблема предмета психологии. Был осуществлен теоретический анализ проблемы предмета психологии (Мазиллов, 2006а), который показал, что современной психологии необходим пересмотр представлений о предмете психологической науки. Необходима новая, широкая трактовка предмета. Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение движущих «причин» в биологии, в социальных науках, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпран-

гера («psychologica-psychological») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

Проблема предмета остается на сегодняшний день центральной методологической проблемой психологии.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская, К.А. Методологический аспект проблемы субъективного [Текст] // Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1969. – С. 317-347.
2. Аллахвердов, В.М. Опыт теоретической психологии [Текст]. – СПб.: Печатный двор, 1993.
3. Аллахвердов, В.М. Сознание как парадокс [Текст]. – СПб.: ДНК, 2000.
4. Аллахвердов, В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания [Текст]. – СПб., 2003.
5. Барабанщиков, В.А. Системный подход в структуре психологического познания [Текст] // Методология и история психологии. Т. 2, вып. 1. – 2007. – С. 86-99.
6. Василюк, Ф.Е. Методологический анализ в психологии [Текст]. – М., 2003.
7. Волков, И.П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? [Текст] // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. – Ярославль, 2003.
8. Гальперин, П.Я. Лекции по психологии [Текст]: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002.
9. Джемс, У. Психология [Текст]. – М., 1991.
10. Дорфман, Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии [Текст]. – М.: Смысл, Академия, 2005.
11. Журавлев, А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии [Текст] // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 15-32.
12. Зинченко, В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии [Текст] // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. – Ярославль, 2003. – С. 98-134.
13. Карицкий, И.Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик [Текст]. – М. – Челябинск: Социум, 2002.
14. Карицкий, И.Н. Теоретико-методологический анализ психологической практики // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива [Текст] / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 223-246.
15. Карпов, А.В. Метасистемная организация уровней структур психики [Текст]. – М.: ИПРАН, 2004.
16. Ключко, В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки [Текст] // Методология и история психологии. Т. 2, вып. 1. – 2007. – С. 5-19.
17. Кольцова, В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии [Текст]. – М.: ИПРАН, 2004.
18. Кольцова, В.А. История психологии: Проблемы методологии [Текст]. – М.: Изд-во ИПРАН, 2008.
19. Корнилова, Т.В., Смирнов, С.Д. Методологические основы психологии [Текст]. – М., 2005.
20. Корнилова, Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений [Текст] // Психологический журнал. Том 27. – № 5. – 2006. – С. 92-100.
21. Леонтьев, Д.А. Неклассический вектор в современной психологии [Текст] // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 74-94.
22. Мазиллов, В.А. Методология современной отечественной психологии [Текст] // Методология и история психологии: Научный журнал. Т.3, вып. 3, 2008. – С. 24.
23. Мазиллов, В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы [Текст] // Психология: Журнал Высшей школы экономики. Т.4. – № 2. – 2007. – С. 3-21.
24. Мазиллов, В.А. Экологическая психология: в поисках оснований [Текст] // Актуальные проблемы экологического образования и охраны природной среды: Тезисы докладов второй международной научно-практической конференции 16-19 ноября 1998 г. – Архангельск: ЭЛПА, 1998. – С. 47-48.
25. Мазиллов, В.А. Теория и метод в психологии [Текст]. – Ярославль, 1998.
26. Мазиллов, В.А. Психология на пороге XXI века [Текст]. – Ярославль, 2001.
27. Мазиллов, В.А. Методология психологии [Текст]. – Ярославль, 2007.
28. Мазиллов, В.А. Методология психологической науки: история и современность [Текст]. – Ярославль, 2007 (а).
29. Орел, В.Е. Синдром психического выгорания личности [Текст]. – М.: ИПРАН, 2005.
30. Панов, В.И. Экологическая психология: системный анализ [Текст] // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 407-433.
31. Панов, В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии [Текст] / В.И. Панов. – М.: Наука, 2004.
32. Панов, В.И. Ноосфера – психическая реальность или метафора? (Экопсихологическая гипотеза)

- [Текст] // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Психология». – Ярославль, 2006. – С. 21-28.
33. Пиаже, Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм [Текст] // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып.1, 2. – М.: Прогресс, 1966. – С. 157–194.
34. Поваренков, Ю.П. Системогенетическая концепция профессионального становления человека [Текст] // Идея системности в психологии. – М.: ИПРАН, 2004. – С. 365-384.
35. Смирнов, С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии [Текст] // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. – Ярославль: МАПН, 2004. – С. 276-291.
36. Спиркин, А.Г., Юдин, Э.Г., Ярошевский, М.Г. Методология [Текст] // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 359-360.
37. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива [Текст] / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 223-246.
38. Тютюнник, В.И. Основы психологических исследований [Текст]. – М., 2002.
39. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности [Текст]. – М., 1982.
40. Юревич, А.В. Методологический либерализм в психологии [Текст] // Вопросы психологии. – 2001. – № 5. – С. 3-19.
41. Юревич, А.В. Методы интеграции психологического знания [Текст] // Труды Ярославского методологического семинара. Т.3. Метод психологии. – Ярославль, 2005. – С. 377-397.
42. Юревич, А.В. Психология и методология [Текст]. – М.: ИПРАН, 2005.
43. Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию [Текст]. – Минск, 2005.
44. Mazilov, V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of modern Russia. – М.–Yaroslavl: IAPS, 1997. – S. 126–135.